

УДК 94(47)02

ИМЕНА КАК ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В.С. Кулабухов

Белгородский государственный университет, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14
E-mail: Kulabuhov@bsu.edu.ru

Статья посвящена исследованию проблемы происхождения и эволюции собственных имен, изучение которых соотносится с культурно-историческими традициями русского народа. Затрагиваются вопросы происхождения как исконных, так и христианских имен. Автор анализирует проблему имянаречения, как часть христианского вероучения.

Ключевые слова: культурные традиции, имянаречение.

Богатая культура Древней Руси во многом является результатом сохранения и развития глубочайших культурных традиций, доставшихся ей в наследство от разных этносов и эпох, включая древние высокоразвитые цивилизации.

Человек начал использовать имена около 7 тысяч лет назад. Как сказано в Библии, первочеловеку Адаму Богом была дарована власть наделять именами окружающие его предметы. Постепенно из названий этих предметов и стихий путем многократного повторения выделились слова с особой семантикой, ставшие именами собственными, поскольку связывались уже не только с одним конкретным носителем. В целом в Библии описывается более двух тысяч различных имен.

Общеизвестно, что имена людей являются частью истории самого народа, одной из составляющих народного духа, которые всегда преисполнены глубочайшим смыслом. Для того чтобы какое-либо имя появилась у любого народа, необходимы определенные культурно-исторические условия. В силу этого многие имена несут на себе яркий отпечаток, соответствующий эпохи.

Имена, звучащие вокруг нас сегодня, стали такими не сразу. В прошлом некоторых имен не было вообще, иные пришли к нам от других народов и претерпели серьезные изменения, приспособившись к нормам русского языка. На протяжении исторического развития некоторые имена со временем вышли из употребления, а некоторые сохранились до сегодняшнего времени почти в неизменном виде. Как в свое время отмечал священник П.Флоренский: «Имя – тончайшая плоть, посредством которой объясняется духовная сущность. Имя это не просто устоявшийся набор звуков, удобный при ссылке или обращении к конкретному человеку, «мыслеформа» которая обладает собственным энергетическим и идейным потенциалом» [11, 89].

Известный ученый А.Ф.Лосев писал: «Я утверждаю, что сила имени в теперешней жизни, не смотря на ее полное удаление от живой религии нисколько не уменьшилась. Мы перестали силою имени творить чудеса, но мы не перестали силою имени завоевывать умы и сердца: объединять ради определенных идей тех, кто раньше им сопротивлялся: и это ничуть не меньшая магия, чем та о которой теперь читают только в учебниках. Имя есть жизнь, что только в слове мы обращаемся с людьми и природой, что только в имени обосновано вся глубочайшая природа социальности, во всех бесконечных формах ее проявления» [11, 89].

В той же мере, как сейчас мы уверены, что программа развития организма заключена в его гене, древние не сомневались, что вся последующая участь человека или явления, города или государства предначертана и заключена в его имени. Дать имя означало дать судьбу, изменить которую невозможно. Самое латинское слово «судьба» (*fatum*) восходит к слову «*fari*» – «говорить». Не случайно этот же этимологический ряд мы видим и в Древнем Шумере, где слово «судьба» было производным от «нарекать», «давать имя». Точно так же русское слово «рок» связано с глаголом «рече», «реку», «нарекать».

Вместе с именем, как представляли древние, человек получал заложенную в имени идею, которую ему предстояло воплотить в жизнь. Имя в народной традиции является персональным знаком человека, определяющим его место в мироздании и социуме, в свою очередь, в народной культуре оно обладает мифологической и ритуальной (магической) функциями, основанными на вере в сакральность имени [8, 408]. В традиционной культуре имя непосредственно связано с судьбой человека, мифологически отождествляемое с его носителем, но вместе с тем оно обладает известной самостоятельностью, являясь объектом многих ритуалов [7, 210].

О том, что между именем человека и его характером, судьбой существует некая необъяснимая связь, догадывались и древние. Имя – своего рода код. Тот, кто владеет им, обладает властью и над человеком. Хорошо известно, что все колдовские действия с древности и до наших дней в качестве адреса личности, ключа к ней, используют единственное, что для этого нужно, – имя. Вспомним в этой связи и церковный обычай, где и в молитвах за здоровье, и в поминовении усопших присутствует тот же устойчивый и безошибочный код – имя. При всей множественности и повторяемости имен оказывается, что этого вполне достаточно.

Примером вредоносной магии, непременно включавшей имя человека, можно найти в древнеиндийском тексте: «Во время совершения жертвенного огня нужно произнести мантру: «Ты сожжен в моем горящем огне, я лишаю тебя входа и выхода». Затем нужно произнести имя врага». Опасения перед подобными вредоносными действиями породила обычай, который историки и этнографы находят практически у всех народов мира, – обычай скрывать имя [4, 119].

Знать имя – значит знать саму судьбу, участь того, кто, его носит. Вот почему имя не нужно открывать посторонним. Об этом запрете, безусловно, знал римский писатель Валерий Соран, живший в I веке до нашей эры, который нарушил это правило. Открыв врагам, тайное имя города, открыл тем самым его судьбу. Поступок его был сочтен предательством, и он был казнен.

Но коль скоро судьба, будущее зависят столь жестко от имени, можно ли изменить предначертанное, изменив само имя? Древние полагали, что это возможно. Написав имя человека перевернутыми буквами, римляне ожидали такого же переворота в судьбе [4, 119].

Обычай скрывать имя историки и этнографы находят практически у всех народов мира. В Древнем Египте у человека было два имени – «малое», для обихода и «большое», тщательно скрываемое. Два имени было и у аборигенов Австралии. Одно имя – для общего употребления, и другое – секретное, хранимое в тайне [4, 118]. Имя всегда предполагает исполнение определенной социальной роли. Перемена имени – попытка проигрывания новой роли.

Хорошо известно, что при пострижении в монашество человек принимает новое имя, отказываясь от прежнего, мирского. При вступлении в великую схиму имя снова меняется, но, как правило, оно начинается на ту же букву, что и прежнее [5, 11]. Например, мирские имена славянских братьев просветителей, которые являются создателями славянского алфавита кириллицы в миру носили имена Михаил и Константин. После принятия ими схим, братья получили имена Мефодий и Кирилл.

Как отмечают исследователи, древние люди считали имя важной частью человеческой личности и предпочитали хранить его в тайне, чтобы злой колдун не сумел «взять» имя и использовать для наведения порчи (подобно тому, как использовали для этого остриженные волосы, клочки одежды, выкопанные куски земли со следами на ней и даже сор, выметенный из избы). Поэтому в древности настоящее имя человека было известно только родителям и нескольким самым близким людям. Все остальные звали его по имени рода или по прозвищу, как правило носившему охранительный характер, например: Некрас, Нежелан, Неждан. Подобные

имена-прозвища должны были «разочаровывать» болезни и смерть, заставить их искать «более достойную» поживу в других местах. Так поступали не только славяне. Например, красивое ту-рецкое имя Ыылмаз означает «то, что не нужно даже собаке» [29, 86].

По мнению ученых, люди имели имена во все исторические эпохи. Основных имен было первоначально не более полутора сотен. Однако по мере развития общества, с расширением коммуникативной сферы и увеличением контактов между различными народами появилось множество различных вариаций имен, носивших национально-культурный колорит. Зарождение русских личных имен исследователи непосредственно связывают с языческой эпохой. И как справедливо в свое время отмечал Б.А.Рыбаков: «Без анализа язычества мы не сможем понять идеологию славянских средневековых государств, и в частности Киевскую Русь. Культуру простого народа на протяжении всех столетий феодализма мы можем понять только в свете анализа всего языческого комплекса» [26, 5].

В древнерусских письменных источниках содержится информация о способах прогнозирования исхода болезни по добрым и неблагоприятным дням, основанном на знаках зодиака. Кроме того, были известны также предсказание, основанное на магии числа. Нумерологические манипуляции сводились к суммированию числовых значений кириллических букв, составляющих имя больного и дату его рождения. Затем суммарное число делилось на 30, а полученный результат соотносился с фиксированными рядами цифр. Одна половина из них указывала на смерть, другая на скорое выздоровление [19, 408].

Личное имя (в древнерусском языке также – рекло, назвище, название, прозвище, прозвание, проименование) – это специальное слово, служащее для обозначения отдельного человека и данное ему в индивидуальном порядке для того, чтобы иметь возможность к нему обратиться, а также говорить о нем с другими [34, 4].

В дохристианскую эпоху, то есть почти до конца X в. в среде восточных славян использовались только личные имена, которые давались детям при рождении. Это были языческие славянские имена, в целом ясные по значению и этимологически очевидные. Как и повсюду в славянском мире, большинство имен представляло собой так называемые двухосновные, или сложные имена, состоящие из двух корней, связанных соединительными гласными. Двухосновные имена создавались, как правило, в результате акта целенаправленного словообразования от основ с ярко выраженным положительным значением. Способ их образования был аналогичен способу образования имен нарицательных. Вторыми элементами этих имен, как правило, были: слав – «славный» (Ярослав – «сильный и славный»), мир – «большой, славный» (Остромир – «острый и славный»), волод – «владеющий богатством» (Всеволод «все и владеющий») и т.п.

Данные имена как правило состояли из двух корней (например, Мирослав), но в свою очередь они также могли содержать и один корень (например, Добрыня, Гордыта, Вышата и т.п.) [1, 19]. Хотя многие исследователи отмечают, что имена Добрыня и Путила являются сокращением двухосновных имен Доброслав, Путислав (или Доброгость и Путимир).

С течением времени, к славянским именам прибавилось несколько скандинавских имен, принесенных, по мнению исследователей, в период язычества викингами – завоевателями, это были такие имена, как, например, Рюрик (Hroekr), Олег (Helgi «святой»), Игорь (Ingvar «молодой»), Глеб (Gudleifr эквивалент нем. Gottlieb), Рогволод (Rag (n) valdr) [36, 11].

Как пишет С.А. Геденов: «Увлекаясь легкостью, с которой возможные в мире имена могут быть (хотя бы только и приблизительно) объяснены из богатой до невероятности германо-скандинавской ономотологии, норманнская школа выводит из скандинавского источника все варяжские и все русские имена нашей истории, от Рюрика до Ярослава» [3, 168].

В своем исследовании В.С. Казаков отмечает: «В древности настоящее имя давалось человеку волхвом по достижении им совершеннолетия согласно его заслугам перед родом: Огневод, Ратибор, Ярослав и т.д. «Понеже мнози от человек приходящи к волхвам и чародеем. Понеже чародеи и волхвы, написующи бесовски (славянские) имена, дают их простым людям, повелевающие им тая имена носить» [9, 4].

В свою очередь А.В. Суперанская пишет, что на Руси в XVI – XVIII вв. сложился особый тип письменных произведений – азбуковник, представляющий из себя некоторое подобие сло-

варя, в котором давались толкования «неудобь познаваемым» словам, расположенным в алфавитном порядке. В одном из таких азбуковников XVII в. говорится следующее: «Первых родов и времен человеци... до некоего времени даяху детям своим имена, якоже отец и мать отречати (т.е. ребенка изволят: или от возрасти и естества т.е. по внешнему виду и природным данным), или от вещи, или от притчи. Такожде и словене прежде их крещения даяху имена детям своим сице Богдан, Божен, Первый, Второй, Любим» [33, 15].

Интересно отметить, что дочерей Гая Юлия Цезаря звали как и других римлянок, – по имени отца Юлиями, а различали их только по номерам в порядке их рождения.

В дохристианские времена в наречии ребенка отражались многие обстоятельства его рождения. Во-первых, в именах могло отражаться время появления младенца, который мог получить такие имена, как: Вешняк, Ярец (рожденный весной), Жар (ребенок, родившийся в жаркое время года). Во-вторых, многие имена могли характеризовать внешность новорожденного: Беляй, Чернуха, Уголек и т.п. В-третьих, в именах могло отражаться отношение родителей к появлению детей: Ждан, Неждан, Нечай, Любим, Бажан, Бажен (в древнерусском языке слово бежать обозначало «очень желать»). В-четвертых, имена также могли образовываться и от названий малоценных предметов, находившихся в каждом доме. Это могли быть такие имена, как Мочало, Лут (лыко), Лопать, Ступа, Топорище и др. выполнявшие роль защитных функций, не привлекавших к себе внимание злых сил.

Восточные славяне также давали имена своим детям выполнявшие охранные качества и одновременно отпугивающие от них злых сил природы, т.е. имена Злоба, Неклюд, Неустрой, Неудача, Захворай, Грязнуха, Головня, Грязной, Горе, Ненаш, Беско, Черток и т.п. Многие русские личные имена позже сохраняются в фамилиях: Горшков, Лопатин, Топоров и т.п.

Достаточно распространенными были так называемые внутрисемейные имена, которые давались ребенку дома, в семье, вскоре после его рождения. Во многих семьях были приняты имена, в которых отражался порядок появления детей на свет. Для этого использовались счетные прилагательные и числительные от одного до десяти, а также некоторые существительные: Первой, Починок, Старшой, Второй, Вторышка, Третьяк, Четырь, Четвертуня, Четвертенок, Пятой, Пятыш, Пятак, Шестерка, Семей, Семко, Семуша, Осмак, Девятой, Девятка. Ребенка родившегося в грозу или метель называли Метелица, Гроза, эти имена в древности выполняли также охранную функцию и ребенок родившийся в это время считался сродним этим природным явлением, его имя как бы предохраняло ребенка, чтобы он не погиб от удара молнии или от снежного заноса [32, 23].

По наблюдениям и подсчетам питербургского филолога А.В.Сусловой, самыми распространенными древнерусскими именами были Бажен (то есть горячо желанный), Баран, Беляй, Бессон, Богдан, Булгак (беспокойный, суетливый), Бурой, Вешняк, Воин, Волк, Воробей, Ворон, Ворона, Второй, Голова, Губа, Добрыня, Долгой, Дружина, Ермак, Ждан, Замятня, Злоба, Лобан, Любим, Малец, Малыш, Молчан, Мороз, Неждан, Неклюд, Путила, Русин, Сокол, Семейка, Сухой, Третьяк, Угрим, Ушак, Черной, Шестак, Шмель, Шумило, Ярец [32, 23].

Наши древние предки совершали своеобразный ритуал: если в доме заболел маленький ребенок, дед или отец ребенка выносили его из избы, а через некоторое время, возвращавшись в дом, громко приговаривали, чтобы слышали бесы о том, что свой ребенок был выброшен, а принесен в дом другой и имя, у которого тоже другое. Как правило, новое имя выбиралось из нехороших имен, чтобы бесы, нечистая сила «своих» не обижали.

Еще более очевидна магическая функция имени в тех случаях, когда требовалось экстренно усилить жизнеспособность новорожденного. Так, если ребенок родился крайне слабым, почти без признаков жизни, ему сразу же нарекали имя, причем девочке давали имя матери, мальчику – отца. Если же он появлялся на свет и вовсе бездыханным, окружающие сразу же приступали к процедуре его «оживления». Наиболее распространенным и действенным считалось «открикивание» младенца. Заключалось оно в том, что повивальная бабка, а вслед за ней и все присутствовавшие выкрикивали имя отца (реже матери). Эти действия дополнялись и известными способами приведения в чувство: похлопыванием, окуриванием горящими предметами, выделяющими при горении резкий запах [8, 409].

В ряде славянских обрядов произнесению имени, его выкликиванию придавалось значение воссоздания сущности и воплощения желаемого. В украинском ритуале, нацеленном на возвращение к жизни мертворожденного или слабого ребенка, повитуха «окликала» его, громко произнося над ухом мужские имена (если это мальчик) или женские (если девочка) имена. Если ребенок приходил в себя, его крестили тем именем, на которое он отозвался [7, 213].

Детское имя ребенку могло даваться по какому-то случайному обстоятельству или событию в момент его рождения. Так, Чингисхан при рождении был наречен Тэмуджином, так как в это время его отец одержал победу над вождем племени татар по имени Тэмуджин-Угэ. Старший сын Чингисхана был назван Джучи, так как появился на свет внезапно. Имя другого сына, Угедей, означало «стремящийся вверх». Впрочем, это имя будущий великий хан взял себе вместо неизвестного детского имени, которое ему нравилось. Младший сын Чингисхана носил имя Толуй, т.е. «Зеркало» [27, 69].

Один из внуков Чингисхана был назван Каши, так как в это время его дед завоевал область Каши. Этот Каши умер в молодых годах от чрезмерного пьянства. После этого имя Каши монголы объявили запретным, приносящим несчастья [21, 12].

В древние языческие времена, когда люди стремились оградить себя от таинственных и магических сил природы, имя было олицетворенным. Оно несло в себе, с одной стороны – определенную информацию о человеке, с другой – одновременно выступало своеобразным оберегом для его носителя.

Распространенным явлением среди восточнославянского населения было с момента рождения ребенка наречение его каким-нибудь временным именем, обычно общим для всех некрещеных детей в той или иной местности. Такой процесс имянаречения русского населения очень долго сохранялся в сознании русского населения и уже в более позднее время.

Таким образом, необходимо отметить, что в дохристианскую эпоху использовались только личные имена. Имянаречение представляло собой важнейший антропологический в социальном плане – инициативный акт, придающий новорожденному статус человека. На начальной стадии формирования древнерусского государства система выделения лица среди ему подобных могла быть обеспечена многочисленным арсеналом прозвищных личных имен, подчеркивающих в дохристианский период какие-либо внешние, духовные тотемные и другие признаки именуемого [23, 187].

Набор личных имен, употреблявшихся в древности восточными славянами, в процессе христианизации Руси полностью преобразовался. Личное имя человека – фактор далеко не безразличный в системе духовных ценностей любого общества, и проявляется это особенно контрастно в переломные эпохи, когда одного имени бывает достаточно, чтобы распознать в индивидуальности «своего» или «чужого». По известному тезису В.А. Никонова, имя – социальный знак [15, 191].

Определенное влияние на длительное существование мирских имен повлияли пережитки прошлого времени. Английский этнограф и культуролог Э.Б.Тайлор более века назад ввел в науку понятие «пережитка». По его словам, «это те обряды, обычаи, воззрения и пр., которые, будучи в силу привычки перенесены из одной стадии культуры, которой были свойственны, в другую, более позднюю, остаются живым, свидетельством или памятником прошлого» [35, 28].

После христианизации Руси в конце X в. каждый восточный славянин получал крестильное имя. В «Повести временных лет» показан процесс крещения киевлян Владимиром Святославичем. «И входя в воду, стояли иные до шей, другие до персей, иные по колена, родители же мнози на руках держали младенцев: а прозвители (священники – К.В.), стоя на берегу читали молитвы и каждой купе давали имена особья мужем и женам» [20, 24].

Как учила церковь, «крещение» есть таинство, в котором верующий, при троекратном погружении тела в воду, с призыванием Бога Отца и Сына, и Святого Духа, умирает для жизни плотской, греховной и возрождается от Духа Святого в жизнь духовную, святую. Церковный взгляд на крещение стал основой формирования народного религиозного мировоззрения. С точки зрения русского православного человека, крещение – это второе рождение человека и, более того, это рождение собственно человека «по образу и подобию Божьему». До крещения

новорожденный казался нечистым, как говорили в народе, «не крещеный ребенок – чертенок» [13, 688].

По церковным правилам, каждый ребенок, родившийся в православной семье, должен быть окрещен. На сороковой день совершалось таинство крещения. Впрочем, этот срок был достаточно условным и допускал отклонение. Однако тянуть с крещением младенца было опасно. Священник, допустивший смерть ребенка без совершения таинства, подвергался строгому наказанию. В свою очередь, если ребенок умирал некрещеным, священник так же наказывал родителей строгой епитимией – трехлетним постом [22, 59].

Имя ребенку нужно было давать на седьмой-восьмой день после его рождения. Однако церковь строго не придерживалась этого правила. Случалось, что имя выбиралось и самими родителями и до родов, и также в дни появления ребенка на свет. Наречение именем предоставлялось священнику, который иногда выбирал имя по святым в соответствии с чувством того или иного православного святого.

Случалось, что имя ребенку выбирали обычно крестные родители (часто согласуя свой выбор со святыми и советуясь со священником). Это имя сохранялось в тайне и сообщалось родителям только после крещения да возвращения крестных с новорожденным домой. Часто присутствующие на крестинном обеде должны были сами отгадать имя: за это крестный отец награждал отгадавшего вином, а тот, кто в свою очередь одаривал ребенка деньгами. Раскрытие имени до крещения считалось тяжким грехом и могло повлечь за собой смерть новорожденного. [7, 210].

В знатных семьях выбор имени подчинялся неписанным правилам приличия. Круг соответствующих высокому социальному статусу имен охватывал не более десятой от всего фонда православного именослова. Нарекая ребенка именем, священник подносил его к иконе Божьей Матери и крестообразно поднимал его перед иконой, как бы вверял нового христианина ее покровительству [40, 42].

Как и в те далекие времена, так и сейчас при крещении ребенок от священника получает свое крестильное имя, выбор которого осуществлялся как ранее, так и сейчас церковнослужителем по святым. Святыми у православных христиан называются церковные книги, содержание месяцеслов – т.е. список святых по числам года [28, 218]. Данный своеобразный календарь был составлен в порядке месяцев и дней года, к которым церковью было приурочено религиозное чествование каждого святого [37, 23]. (Напомним, что уже к началу 2 тыс. практически каждый день года оказался связан с христианской традицией с памятью того или иного святого, апостола или другого почитаемого лица.) В результате чего любой из дней получал собственное имя, что было очень удобным для формирования двоеверного мировоззрения [41, 129]. Теперь новокрещенный ребенок как бы переходил под защиту и покровительство своего святого.

В.И.Даль дает следующее определение понятию «Святой», как «духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный: все, что относится к Божеству, к истинам веры, предмет высшего почитания, поклонения нашего, духовный, божественный, небесный... Святым зовут вообще все заветное, связанное с истиною и с благом». Ребенка нарекали именем того святого, память о котором приходилась на день его рождения или ближайший ко дню рождения праздник. При этом в отдельных местностях избегали или даже запрещали давать ребенку имя по календарю «назад», т.е. в соответствии с праздником, предшествующим дню рождения ребенка. По поверьям названный «назад» ребенок не будет расти [13, 689].

Во время обета крещения, по устоявшейся традиции, людям даются имена тех святых, которые становятся их небесными покровителями, и духовная связь с которыми устанавливается на всю жизнь. Это – система сложного идеологического сочетания, соединения, предусматривающая, прежде всего нравственное воспитание. Празднуя день своего имени, человек одновременно отмечает день памяти своего святого, образ которого как бы сопутствует ему.

В прошлом у православных было не принято праздновать дни рождения. Отмечались лишь дни именин. Этот обычай был связан с тем, что имя, даваемое при крещении младенца, было таким же, как и имя святого, празднование которого в этот день отмечала церковь. В народе этот день называется именинами, а по-церковному – тезоименитством.

Православные праздновали день памяти своего святого – «день ангела» – намного торжественней, чем день своего рождения.

Следует также знать, что Святой небесный покровитель и Ангел-хранитель не одно и то же лицо, несмотря на то, что именины и день Ангела-хранителя приходятся на один и тот же день. Ангел, в переводе означает вестник. Ангелы, как и душа человека, бессмертны. Ангелы – это бесплотные, то есть бестелесные духи. Ангел-хранитель дается человеку при рождении, чтобы охранять его душу и тело от всяких несчастий и зла и помогать ему во всем добром и хорошем.

Как отмечают богословы: «Господь каждому из нас дает двух ангелов, один из которых – Ангел-хранитель – хранит нас от всякого зла, от разных несчастий и помогает делать добро, а другой ангел-святой угодник Божий, имя которого мы носим, ходатайствует о нас перед Богом, молится за нас Богу. Его молитвы, как более достойные, угодные Богу, скорее приемлются, чем наши грешные» – пишет Феодор Едесский [31, 189].

Согласно христианской ангелологии, поскольку Бог хочет помочь человеку спастись, он дает ему личного ангела-хранителя, являвшегося духовным другом и покровителем каждого христианина. Это учение было, по-видимому, близко и понятно религиозным представлениям народа. Народная ангелология лишь дополнила его живыми подробностями. К ангелу-хранителю обращались постоянно. Кроме специальных молитв, входящих в молитвенники, существовало множество однотипных заговоров-молитв неканонического происхождения. Они свидетельствуют о том, что отличие «функций» ангела от прочих святых, к которым обращались по разным поводам, видели именно в его духовном наставлении и помощи. Ангел-хранитель обязательно призывался в молитвах на ночь.

Ангела-хранителя почитали и молились ему, просили о заступничестве. Для того, чтобы избавиться от возможной порчи, оградить от нечистой силы, пользовались заклинанием-оберегом, которое трижды читалось перед сном: «Ложусь спать с Христом, со творящим крестом, с силой Господней, Ангелом-Архангелом. Ангел мой хранитель, пребывай со мной: по всякий час, по всякую минуту. Аминь!» [24, 16].

Каждый православный старался иметь дома икону с изображением своего святого. В день ангела (именины) младенцев приносили в церковь для причащения, а взрослые в этот день сами заказывали молебен своему небесному покровителю.

Поскольку этот небесный покровитель постоянно находился рядом с человеком, то и вести себя следовало, так, чтобы ненароком не обидеть его. Поэтому считали, что нельзя плевать направо – там ангел, а налево – где нечистый можно по этой же причине, нельзя кидать направо соринку из глаза; замахнувшийся на кого-либо ножом лишается на три года покровительства ангела-хранителя; утром не умыть лицо – грех, ангел не проснется и не будет охранять тебя весь день; ну а когда звенит в левом ухе – значит черт спорит с ангелом о том, кому принадлежит душа. По мнению верующих, ангел-хранитель есть у каждого окрещенного человека независимо от степени его личной веры. Он обычно не обнаруживает своего присутствия в течение жизни, но может показаться перед ее концом.

Как уже отмечалось выше, при имянаречении обычно считали, что мальчика следует называть по имени святого, празднуемого в день рождения или ближайшие за ним дни, девочку – по дню рождения или ближайшие дни перед ним. В народе указанный порядок имянаречения в отличии от произвольного назывался «дать имя по святцам».

При наречении ребенка, соблюдали определенные запреты. Наиболее известным из них был запрет дублировать имена людей, живущих, в том же доме: так, сыновьям часто остерегались давать имена деда, отца или братьев, поскольку при нарушении этого запрета один из тезок должен был умереть, а в этом случае смерть ожидала и другого (если это были близнецы, которых в народных представлениях считали носителями одной судьбы). Также избегали давать новорожденному имя умершего ребенка, чтобы он не унаследовал его судьбу. Зачастую детей нарекали именами умерших деда или бабки, руководствуясь тем, что, и судьбу человек наследует через поколение. Женщина, у которой рождались одни девочки, давала последней из них свое имя, чтобы следующим у нее родился мальчик. К этому же магическому приему не раз

прибегали родители, чьи дети умирали в младенчестве: согласно поверью, святой, по имени которого назван ребенок, будет хранить его так же, как хранил всю жизнь его отца или мать. Выбор, имени особенно, актуализировался в тех случаях, когда в семьях один за другим умирали («не держались», «не велись») дети. Наречение именем (часто магическим по своему значению) было равносильно для ребенка выбору судьбы. Широко известен у южных славян обычай перемены крестного отца, практикуемый с целью перелома судьбы новорожденного: ребенка клали на дороге, и первый, кто наткнется на него, должен дать, ему имя (обычно, Найден, Найда и под.): если к ребенку подошло животное, например, поросенок, ребенка, называли бы Гушью, т.п. Предохраняя детей от смерти, в таких семьях нередко называли их в течение долгого времени фальшивыми именами или вообще обходились без имени, обращаясь, например, к мальчику просто мальчик [7, 211].

Иногда детей, особенно первенцев называли в честь бабушек или дедушек. Этот обычай, правда, был распространен более в дворянских семьях. Произвольному выбору имени в крестьянской среде мешала боязнь «обидеть Ангела».

Как уже отмечалось выше, само имя в народном сознании имело магическое наполнение, и, руководствуясь при его выборе определенными принципами, можно повлиять на жизнь и судьбу новорожденного. Поэтому называли, например, детей в честь выдающихся людей или особо удачливых родственников, считая, что вместе с именем ребенок унаследует и все качества, присущие этим людям, а, возможно, до некоторой степени повторит их жизненный путь [7, 211].

В свое время священник П.А.Флоренский писал: «Поэзия, письменная и изустная, держится на именах. Имена распространяется в народном сознании на группы. Если священник дает крещаемому имя преподобного, это обещает ему счастливую жизнь. А если имя мученика, и жизнь сойдет за одно сплошное мучение» [11, 89].

Имя полученное при крещении принято называть христианским или крестильным, которое давалось независимо от воли и желания родителей. Данные имена были не славянского, а греческого происхождения. К восточным славянам они пришли из Византии через Болгарию [6, 25].

Так же необходимо отметить, что имена святых нельзя рассматривать как обычные имена людей. Они формируют особую замкнутую систему, для пополнения которой нужны специальные решения и обряды. Имена святых, используемые для именованя людей, в живой практике сочетались с фамилиями, прозвищами, отчествами и теряют ту строгость, которая им присуща в церковных книгах и календарях [32, 18]. Введение христианства способствовало установлению и развитию культурных и политических связей Киевской Руси с Византией, Болгарией, странами Запада и Ближнего Востока. Следствием введения христианства было также изменение способов именованя русских людей, обращение их к новым именам, привнесенными новой религией. Любая религия как определенная система, отражающая мировоззрение и культуру общества, сопровождается некоторым массивом имен. В именах закрепляются и распространяются идеи этой религии, и одновременно почитается память лиц предыдущих поколений, сыгравших важную роль в утверждении соответствующей системы взглядов.

После принятия христианства введение строго нормированного использования христианских имен с обязательной привязкой конкретного имени к новорожденному, с рекомендательным списком в «святцах» привело к значительному сокращению числа употребляемых в древнерусском обществе имен. Появление в связи с этим большого числа тезок стало создавать определенные трудности. В таких случаях в дофамильный период при персонификации лица стали использовать как равноправные христианские (канонические) так и мирские прозвищные (личные имена). Древнерусское население практически не видело никаких преимуществ в календарных именах и считало, что ничего плохого нет в своих домашних-мирских.

Практика давать ребенку в дополнение к официальному крестильному имени еще одно, некрестильное, тем не менее удерживалась вплоть до XVII в. В древнерусском обществе для обозначения внутрисемейных обиходных прозваний сначала использовалось выражение мирское имя в противоположность слову имя, обозначавшему подлинное имя, полученное при

крещении. Но вскоре термин мирское имя был вытеснен термином прозвище. Другой тип древнерусских имен – прозвища, дававшее человеку вне дома и семьи, помогавшему идентифицировать личность в коллективе односельчан, военном отряде и т.д. Если круг внутрисемейных имен был ограничен домашним бытом, то имена второго типа могли образовываться практически от любых основ, отражая не только внешность и черты характера именуемого, но и его образ жизни, привычки, особенности речи и т.п.

Так же необходимо отметить, что сегодня в некоторых деревнях сохранился обычай, когда по числу дворов считают отдельные семейства, – за которыми сохранилось имя или случайное прозвище хозяина двора, которые переходят в общее прозвище всего семейства [39, 125].

На Руси возникло своеобразное сочетание аграрного в церковного календарей, определявшее конкретное восприятие времени древнерусским человеком. Церковные праздники совпадавшие с ключевыми моментами аграрного цикла, обретали двойное значение. Их отмечали с особым энтузиазмом, сопровождая различными полуязыческими обрядами. Даже канонические имена святых переиначивали на свой лад и сопровождали забавными прозвищами: Герасим Грачевник, Матрона Настовница, Марь Мартын Лисогон, Ирина Рассадница и т.п.

В ономастических и исторических работах часто встречается термин некалендарное имя, обозначающее имя, которое нельзя найти в церковном календаре, где значились лишь христианские имена, то есть имена святых православной церкви. Естественно, в древнюю эпоху данный термин русскими никогда не использовался. Первым текстом, о котором достоверно известно, что он был написан на Руси было Евангелие, переписанное в 1056 – 1057гг. для новгородского посадника, который в приписке был обозначен в крещении Иосиф, а мирское имя Остромир. Если крестильное имя было обязательным, поскольку крестили каждого ребенка, то прозвище обязательным не являлось, и форма его полностью зависела от родителей. Как в свое время отмечала Н.М. Тупикова «Русские имена всегда имели право законного имени и могли выступать без сопровождения имен христианских. Употребление их в качестве имени или прозвища зависело от воли носителя их или же от воли документатора (т.е. того, кто их записывал)» [36, 12]. По мнению исследователей, большинство детей нарекались, по-видимому, двумя именами, против чего яростно выступала православная церковь. И в тех случаях, когда оба имени соотносились с одним лицом, первым всегда называлось крестильное имя человека. В конце концов, мирские имена начали восприниматься как что-то незаконное, как насмешливые клички. Вскоре термин мирское имя был вытеснен термином прозвище.

Языческие (домашние имена) господствовали вплоть до XVII в. (Иван Волк Курицын, Упырь Лихой, Малюта Скуратов и т.п.) [37, 59]. В это же время в России исчезают и прозвища. За немногим исключением также уходят древние языческие славянские и скандинавские имена.

Так же необходимо отметить, что на протяжении нескольких столетий после принятия христианства в династии киевских князей сохраняется традиция наименования новорожденных в зависимости от имени предков. Последовательность, с которой для этой цели используются имена предков по мужской и женской линии, несомненно, имеет определенную систему, но выявить причины названия княжеских детей тем или иным именем удастся далеко не всегда. Наиболее ясным представляется порядок, по которому имена предков по мужской линии получают первый, третий, пятый и т.д. сыновья, а по женской – второй, четвертый и т.д.

Именник древнерусского княжеского рода свидетельствует, что наиболее употребительными были имена основателей киевской династии – Игорь, Святослав, Владимир. Распространение этих имен среди потомков Ярослава Мудрого отвечает представлению о происхождении этого князя, засвидетельствованному в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона. Отец Ярослава Мудрого Володимир определяется здесь как внук «старого Игоря» и сын «славного Святослава» [38, 170]. Отсутствие наименования Рюрик в первых поколениях династии, единичное употребление его в дальнейшем подтверждает мнение тех ученых–антинорманистов, которые полагают, что Рюрик не был отцом Игоря. Наоборот, распространенность имени Олег, несмотря на старания летописцев исключить этого деятеля из княжеского круга, убеждает, что Олег был предком Святослава Игоревича, вероятнее всего по женской линии (т.е. был отцом или дедом Ольги), так как имя Олег носил именно второй сын Святослава. Имя его старшего

сына Ярополк позволяет предполагать, что близкий предок Святослава по мужской линии (его дед или прадед) назывался Ярополком.

Собранные данные свидетельствуют, что древнерусская традиция наименования, будучи следствием языческого мировоззрения, связывала живых и мертвых представителей княжеского рода. Как пишет В.Л.Янин: «На Руси крайне редко давали княжичам отцовские имена. Напротив, нарекать княжичей «дедным именем» было особенно почетно» [42, 24].

Со временем почитание князей-мучеников под их мирскими именами становится общерусской традицией, а дни их памяти – одними из самых общезначимых праздников. На протяжении XII в. христианские имена постепенно завоевывают место в качестве родовых имен. При этом сохраняется ряд важнейших особенностей выбора родового имени. По-прежнему это ограниченный круг имен, передающихся от предков к потомкам. С помощью христианских имен, как и с помощью имен исконных, старшие родичи демонстрируют свои планы и намерения относительно распределения власти. [14, 139]

Народное почитание святых князей определило церковную канонизацию последовавшую в конце XI в. и почти сразу установилась как общерусское (явление типичное для Руси и других христианских стран: признание снизу обычно предшествовало официальному). В житиях святых-воителей за русскую землю – готовность положить свой живот «за други своя» была постоянной и едва ли не главной темой [2, 648].

Уже в XI – XII вв. лику святых было причислено несколько князей. Все они были канонизированы под христианскими именами, то есть греческими: Владимир как Василий, Борис как Роман, Глеб как Давид, Всеволод как Гавриил, Игорь как Георгий (умер в 1147 г.). Любопытно отметить, что их христианские имена были забыты, и сейчас они более известны как святые только под своими языческими именами. Позже церковь признала и четыре других славянских имени – Ярослав, Мстислав, Ростислав и Святослав, хотя эти имена никогда не давались святым даже в качестве второго имени. Впоследствии еще два имени были приняты церковью: одно славянское – Вячеслав, русский эквивалент имеет чешского святого X в. Вацлава, и одно скандинавское – Олег, хотя никогда не было святого с таким именем. Кроме этих исключений, вся русская официальная роспись имен была церковнославянской, то есть византийско-греческой по происхождению [36, 12].

То, что в XII в. языческие имена были в большем употреблении, чем христианские говорит тот, факт, что даже Владимир Мономах (ум. в 1125г.) отмечал, что, он при рождении названный Василием, был известен всем под именем Владимира. Также княгиня Ольга, получившая при крещении имя Елены, вошла в святцы со своим языческим именем [37, 46]. Безусловно, что древнерусским книжникам были известны их имена, полученные этими лицами при крещении, но, несмотря на это, они предпочитали называть их в соответствии с традицией и, возможно, потому, что мирские имена связывали потомков с их предками.

Как отмечают исследователи, древнерусские князья носили двойные имена: традиционно родовое, имеющее дохристианские истоки, и христианские – крещальные имена. Это говорит о том, что родовая княжеская традиция давала о себе знать. В «Хождении игумена Даниила» в Святую землю дается информация, подтверждающая значимость христианских имен для древнерусских князей. Необходимо отметить, что жанр хождений, к которому относится уже упомянутое выше литературное произведение – это жанр собственно восточнославянской книжной культуры. Игумен одного из черниговских монастырей Даниил пробыл в Палестине 16 месяцев [12, 188] и в своем произведении он перечислил имена тех князей, за которых он ставит свечу в Иерусалиме, где первыми перечисляются крещальные имена князей, при этом упоминает их отчества, которые были образованы от их традиционных имен [17, 291].

Список князей автор хождения начинает словами: «Се же суть имена их». Далее в порядке старшинства идет перечисление: Михаил – Святополк, Василий – Владимир, Давид Святославич, Михаил – Олег, Панкратий – Ярослав Святославич, Андрей – Мстислав Всеволодович, Федор – Мстислав Володимирович, Борис Всеславич, Глеб Менский и т.д. [30, 73-74]

Святой, имя которого получал новорожденный князь, становился для него небесным покровителем, к которому, как и к предкам, можно было обратиться в трудную минуту. В честь своего святого-покровителя принято было строить храмы.

Киевский великий князь Ярослав Мудрый был крещен Георгием. Прежде чем стать великим киевским, он был князем новгородским, и именно в Новгороде и Киеве найдены наиболее интенсивные древние следы культа св. Георгия.

Георгий Победоносец в русском фольклоре называется Егорием Храбрым. Само имя Георгий в переводе с греческого языка означает «возделывающий землю». В России это имя имеет несколько вариаций – Юрий, Егор, Егорий [7, 211]. После победы над эстами в 1030 г. Ярослав заложил в честь своего покровителя город Юрьев (позднее город будет носить немецкое имя Дерпт, современное название города в Эстонии – Тарту) и в нем храм св. Георгия. Затем заложил храм св. Георгия в Старой Ладоге и георгиевский монастырь в Новгороде. После победы над печенегами в 1036 г. он основал в 1037 г. монастырь в честь своего покровителя в Киеве. ПВЛ сообщает, что Ярослав Мудрый заложил «святого Георгия монастырь и святой Ирины». Это было связано с тем, что крестильное имя его самого и его жены были Георгий и Ирина. День освящения в нем храма св. Георгия, 26 ноября, он повелел праздновать по всей Руси. Так же Ярослав чеканил серебряники с изображением св. Георгия, и ему же атрибутирована древнейшая русская печать с изображением св. Георгия [30, 73-74].

Указания на крестильные имена новорожденных отсутствуют в летописях до второй половины XII в. до этого времени также очень редко встречаются и формы древнерусских отчеств, которые является особой формой оформления имени отца конкретного человека. Хотя, как отмечают исследователи, русские отчества представляют собой очень древние образования. Уже в списках послов русских в 945г. при именах некоторых из них находятся их отчества [34, 153].

До XII в. даже для представителей правящего княжеского рода Рюриковичей в летописных записях используется только лишь одно личное имя князя.

Так же необходимо отметить, что с XII в. употребление отчеств встречается не только лишь при обозначении представителей княжеских родов, но и при именовании лиц других высших сословий. Под «1127 г. упоминается Иванко Вячеславль, тысяцкий Туровский, 1146 г. Иван Халдеевич, воевода Киевский 1170 г., Коснятин Хотович, воин русский» [33, 38].

После XIV в. в официальных источниках князья зовутся лишь христианскими именами, сохраняя среди близких друзей свои традиционные двусосновные имена. В церковные календари было включено более десяти древних княжеских имен [23, 188-189].

Как отмечал В.В. Колесов: «Древний русич желал обозначить словами по возможности все, что было вокруг него. Неопределенный и не всегда поначалу точный признак древнего словесного образа, выкристаллизовывался со временем в термине–понятии, что составляет определенный этап в постижении этого сложного мира. Средневековые поиски истины подвергают своеобразному изучению то, что прежде казалось неважным и слишком отвлеченным: конкретный мир языческого быта сменяется условной и пока что неясной отвлеченностью средневековых идей, научная абстрактность постижения мира будет достигнута позже – уже современной нам культурой» [10, 294].

Таким образом, необходимо отметить, что в личных именах запечатлена духовная и материальная культура народа. Как отмечает В.К.Харченко «имена отражают процесс познания народом окружающего мира, отношения к нему, систему ценностей, духовное творчество и многое другое» [18, 90]. Система личных имен имеет яркий национальный характер и несет информацию о носителе имени как представителя определенной национальной культуры.

Список литературы и источников

1. Антропонимическая система //Анатомия истории Князев Е.А. Родная старина. – М.: Остожье, 1996. – С.19.
2. Буганов В.А.Национальное сознание и народная память // Русские. /Отв. ред. Александров В.А., Власова И.В., Полищук Н.С. - М.: Наука, 1999. - С.647-653.
3. Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В 2-х частях. /Автор предисловия, комментариев, биографического очерка В.В.Фомин. – 2-е изд. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. – 656 с.
4. Горбовский А.А. Колдуны, целители, пророки. – М.: Мысль, 1993. – 397 с.

5. Еремина Т.С. Мир русских монастырей: История, предания. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. – 328 с.
6. Иевлева З. Пособия для обучения родному языку в допетровской Руси // Народное образование в России. Исторический альманах. – М.: Народное образование, 2000. – 403 с.
7. Имя // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1995. – С. 210-213.
8. Имя // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 тт. – М.: Международные отношения. Т.2. 1999. – С. 408-413.
9. Казаков В.С. Именослов. Словарь славянских имен и прозвищ. – М. – Калуга: Русская Правда, 2002. – 239 с.
10. Колесов В.В. Мир Человека в слове Древней Руси. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 312 с.
11. Круг жизни. / Сост. Н.Будур и И.Панкеев. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 1999 – 528 с.
12. Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI – XII веков. – Минск: Экономпресс, 2001. – 352 с.
13. Листова Т.А. Народная религиозная концепция зарождения и начала жизни // Русские / Отв. ред. Александров В.А., Власова И.В., Полищук Н.С. – М.: Наука, 1999. С.685-701.
14. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимики. – М.: Индрик, 2006. – 904 с.
15. Мурьянов М.Ф. К истории древнерусского ономастикона // Религии мира. Истории и современность. Ежегодник 1987. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. – С.191-214.
16. Осипов В.Д. Единый язык человечества. – М.: ООО Изд-во Пилигрим-Пресс, 2003. – 320 с.
17. Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия. Из истории русской культуры. Древняя Русь. – М.: Наука, Т.1. 2000. – 760 с.
18. Полонский А.В. Человек и его имя // Методология и методика преподавания курсов «Человек и общество» и «Обществознание». Тезисы докладов Всероссийской научно-методической конференции. – Белгород: Изд-во Белгородского гос.пед.университета. 1995. С.89–90.
19. Полянский С.М., Григорьев А.В. Космология в ее единстве с другими компонентами книжной культуры Древней Руси // Древнерусская космология / Отв. ред. Г.С.Баранкова. – СПб.: «Алетейя», 2004. – 408 с.
20. Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. – М.: Русская панорама, 1998. – 416 с.
21. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.2. М.-Л.: /Перевод с персидского Л.А.Хетогурова. Ред. примеч. проф. А.А.Семенов. – М.-Л.: Академия наук СССР, Т.2. 1960. 198 с.
22. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв. – М.: Наука, 2002, – 184 с.
23. Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О.Н. Трубочева. – М.: Школа-пресс, 1994. – С.186-189.
24. Русские обычаи и обряды. /Авт. сот. Н.А.Юдина. – М.: Вече, 2005. – 320 с.
25. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забелиным. – СПб.: Азбука, 1994. – 260 с.
26. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1994. – 608 с.
27. Сборник летописей. /Перевод с персидского Л.А. Хетогурова. Ред. примеч. проф. А.А.Семенов. – М.-Л.: Академия наук СССР, Т.1. 1952. – 155 с.
28. Святцы //Азбука христианства. Словарь-справочник / Составитель А.Удовейко. – М.: МАИК «Наука», 1997. – 288 с.
29. Семенова М. Быт и верования древних славян. – СПб.: Азбука, 2000. – 560 с.
30. Сендерович С.Я. Георгий Победоносец в русской культуре: страницы истории. – М.: АГРАФ, 2002. – 368 с.
31. Современный этикет и русские традиции /Автор-сост. В.Ф. Андреев. – М.: Вече, 2005. – 400 с.

32. Суперанская А.В. Ваше имя? Рассказы об именах разных народов. – М.: Армада-пресс, 2001. – 256 с.
33. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – 528 с.
34. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. – Л.: Лениздат, 1991. – 220 с.
35. Тайлор Э.Е. Первобытная культура. – М.: Издательство политической литературы, 1989. – 573 с.
36. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Перев. с англ. общ ред. и послесловие Б.А.Успенского. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – 448 с.
37. Успенский Л.В. Ты и твое имя. – М.: Армада-пресс, 2002, – 320 с.
38. Франчук В.Ю. Отражение языческого мировоззрения славянства в древнерусском летописании // Культура славян и Русь. – М.: Языки русской культуры, 1998. С.164-176.
39. Шеплинг Д.О. Мифы славянского язычества. – М.: ТЕРРА, 1997. – 240 с.
40. Энциклопедия русских обычаев /Автор сост. Юдина Н.А. – М.: Вече, 2000. – 186 с.
41. Юдин А.В. Русская народная духовная культура. – М.: Высшая школа, 1999. – 331 с.
42. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X – XV в. Печати X – начала XIII вв. – М.: Наука, Т.1. 1970. – 328 с.

NAMES AS A FORM OF REFLECTION OF THE WORLD OUTLOOK OF ANCIENT RUSSIAN POPULATION

V.S. Kulabuhov

Belgorod State University, Studencheskaja St., 14, Belgorod, 308007, Russia

E-mail: Kulabuhov@bsu.edu.ru

The article is devoted to the research of the topical problem of origin and evolution of proper names, studying of which is correlated with cultural – historical traditions of the Russian people. It touches on the question of origin of primordial, as well as Christian names. The author analyses the problem of naming as a part of Christian dogma.

Key words: proper names, cultural traditions.